

“я ношу кепочку, чтобы меня не узнавали”

Игорь Кириллов — Газете

Завтра исполняется 70 лет патриарху советского телевидения Игорю Леонидовичу Кириллову. Его образ и голос неразрывно связаны со всей историей отечественного ТВ. Однако больших торжеств в «Останкино» не будет — юбиляр перенес их на конец сентября, когда исполнится 45 лет со дня его первого появления в эфире. С Игорем Кирилловым встретилась Фекла Толстая.

Когда сейчас бываете в «Останкино», вы приходите в место, которое навсегда для вас стало родным, или уже чувствуете себя чужим?

Я испытываю двоякое чувство. Конечно, когда идешь по коридорам, по которым ты ходил многие, многие годы, когда ты заходишь в родные студии, в которых были и радости, и огорчения, и успехи, и неудачи, конечно, сжимается сердце. Особенно трогательно бывают встречи с коллегами, с которыми ты многие годы работал. К сожалению, их становится меньше, и как-то все больше новых, молодых, которые даже на тебя внимания не обращают.

Неужели такое бывает?

Нет, здороваются, знаете так, проходя мимо. Вот сегодня как раз я был в «Останкино», в своем родном корпусе АСК-3, там живет и программа «Время», где наш отдел находился и мой кабинет, даже проходил мимо него. Кстате, до сих пор остались надписи на этих комнатах, хотя они и закрыты: «гримерная женская», «гримерная мужская», «костюмерная мужская», отдел дикторов ЦТ.

Какое время из вашей очень долгой работы на Центральном телевидении, какая из эпох была для вас самой интересной?

Самые милые, самые приятные воспоминания связаны у меня все-таки с Шаболовкой. Потому что это был небольшой коллектив, это была какая-то единая семья — и творческие работники, и работники техники. Мы никогда не убежали после передач. Они все были живые — не было же видеомагнитофонов, ничего не записывалось. Поэтому всегда оставались, обсуждали то, что мы наделали в эфире. И первыми нашими зрителями и критиками были инженеры, техники, звукорежиссеры. Ну и, конечно, мы прислушивались к звонкам и многочисленным письмам, которые присылали нам зрители. Были и добрые письма, были и не очень. И пусть люди писали простым, неотредактированным языком, но они отражали самую суть наших удач или наших провалов.

Вы пришли из театра. Легко вам было расставаться со сценой или мучительно?

Нет. Я был еще молод и в общем-то хотел быть режиссером — пришел на телевидение с тем, чтобы стать режиссером. Но вернулась судьба таким образом, что меня пригласили на конкурс, и 27 сентября стало моим днем рождения на телевидении.

Это в 57-м году?

В этом году как раз будет сорок пять лет.

А что это был за первый эфир, что была за программа?

Просто новости. Тогда даже не «новости», а «ПИ» (последние известия), знаете, по аналогии с радио. Практически это была устная информация, очень мало было киноплёнки, потому что у нас еще не было своих кинооператоров, своего отдела кинокорреспондентов, и поэтому не очень интересные, но довольно сложные для исполнения были эти выпуски. Потому что тассовский текст очень далек от разговорного, тем более литературного языка — это был очень казенный, формальный язык, и вот нужно было сделать его более или менее слушаемым и понимаемым.

Тогда, на первом эфире, дрожали у вас руки?

Что вы, это даже передать на словах невозможно, я даже, честно говоря, не помню, как будто это все было в тумане. Я не был подготовлен совершенно, а нужно было выходить в эфир сразу после конкурса, через два часа. В 4 часа мы закончили конкурс, и, когда объявили его результат, за мной пришел наш замечательный режиссер Сергей Александрович Захаров. Он сказал: пойдём, через два часа у тебя эфир. Я ему говорю: да я ничего не знаю, не умею.

Он говорит: ничего, я за два часа тебя всему научу. И, конечно, мои замечательные коллеги, первые дикторы — Нина Владимировна Кондратова, Валя Леонтьева, Аня Шилова, Люся Соколова — конечно, давали мне советы. Сами понимаете, в таком состоянии в одно ухо влетает, в другое вылетает. И потом я вспомнил все, чему меня учил Малый театр, мой великий учитель Константин Александрович Зубов, Михаил Иванович Царев. Сейчас передать это состояние невозможно. Это было просто невероятно.

Трудно жить человеку с такой знаменитой внешностью и с таким знаменитым голосом? Ваш голос символизирует государство. Когда вы приходите в магазин за хлебом или колбасой, как реагируют на вас продавцы?

Те, кто узнает, очень хорошо и почему-то дают мне самые лучшие куски колбасы, самые свежие. В общем, я старался и стараюсь сейчас так одеваться и кепочку какую-то ношу, чтобы те, кто меня помнит, меньше узнавали. А так нормально я отношусь к тому, что меня узнают. Сейчас уже как-то спокойнее стало. Раньше какие-то вопросы

были, какие-то проблемы тут же вспоминались, начинали дискутировать со мной. Сейчас уже народ по-другому реагирует на все события. Конечно, старшее поколение, наши зрители, доброжелательно очень, с большим уважением ко мне относятся, это я очень высоко ценю, и для меня это очень дорого. И то, что некоторые молодые ко мне так хорошо относятся, мне тоже очень приятно, даже неожиданно.

Не ошибаюсь ли я, что слышала ваш голос в одной из реклам?

К сожалению, да.

А почему к сожалению?

Потому что я к рекламе отношусь очень осторожно. Потому что народ мне еще верит; если, не дай бог, она не будет соответствовать действительности, какую-то вину я буду тоже нести за это.

А почему тогда вы согласились?

Прежде чем согласиться на какую-то рекламу, я знаколюсь с тем, что делает эта организация, с результатами работы этой фирмы.

Вы скучаете сейчас по работе в кадре? Вот сейчас пригласят вас куда-нибудь — вы согласитесь?

Конечно, скучаю, врать не буду. Но сейчас и боюсь. Меня приглашают. И вот если все будет нормально, может быть, я еще послужу в этом качестве нашим зрителям.

Раскройте, пожалуйста, секрет.

Нет, ни в коем случае. Пока не будет сделано, ничего нельзя говорить, иначе сглазишь.

Игорь Кириллов: «Я еще послужу нашим зрителям» Фотограф: Максим Коняев/Газета